

21 NOV 1987

Прощай, Балалайкины

Беседа с актером Олегом Табаковым

НЕ ТАК давно показывали телеспектакль по мотивам «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина. Оценить постановку не берусь. Замечу только как давний читатель и почитатель разящей щедринской сатиры: в иных сценах сатира соскальзывала на фарс. Зато Олег Табаков в роли Балалайкина был настолько пощедрински серьезен, настолько настроен на сатиру первоисточника и в то же время реален, что казалось: вижу Балалайкина не на экране телевизора, а в натуре. Вижу сегодня.

Вот он сидит передо мной, живой, хоть и сильно помятый, но и впрямь живой и невредимый. И балаболит все подряд, без разбора, без передыха, перескакивая безо всякой связи с темой на тему: о дизайне, аэробике, инопланетянах, бессмертии души, куртках на меху типа «Аляска», тибетской медицине, Григории Распутине, спекуляциях бриллиантами, экстрасенсах, наркомании, богоскопательстве, издании собрания сочинений Ключевского... И задыхается, как астматик, от идущего из нутра словесного бесконечного серпантина, мямлит, комкает окончания слов, теряет членораздельность речи... Во рту каша...

Погас экран телевизора. Был поздний вечер. Самое подходящее время звонить актеру и договариваться о встрече.

БЕСЕДА наша состоялась в кабинете ректора Школы-студии МХАТ после спектакля в старом здании. Из-за позднего часа сразу перешли к сути.

— Итак, Балалайкин... Кто он, откуда взялся?

— А вы вспомните, как он появляется в романе, — Табаков процитировал на память: — «Да, это был он, то есть избавитель, то есть «подходящий человек», по поводу которого возможен был только один вопрос: сойдутся ли в цене?»

«Подходящий человек» — вот ключ к разгадке Балалайкина. Тут и происхождение его, тут и объяснение, почему так живуч.

— И не зря, наверное, Салтыков-Щедрин берет в кавычки эту формулу — «подходящий человек»?

— Конечно, не зря. Здесь глубокий смысл. Нет, не прощания, не насмешка. Скорее наоборот. Скорее одобрение тех, кому нужен Балалайкин. А нужен он ох как многим. Может прощение накатать, жалобу. Да такую жалостливую, что слезы в три ручья потекут у самого задубевшего чиновника. Может и поздравительные стихи, объяснение в любви любимой женщине, даже по-французски (правда, стоять будет подороже). Доносик анонимный?.. Да за милую душу. Такой состряпает, что пальчики оближете. Провокацию, шантаж, лжесвидетельство, обстановочку для расторжения брака — все это отменно организует. Балалайкин — очень подходящий человек. Анекдотец с сильным душком, байка, ложный слухок, слепая — все это в богатом ассортименте у нашего героя. На любой вкус, на любую потребу.

— А помните герб Бала-
лайкина?

— Ну как же! В гербе на ленте девиз: «Прасковья мне тетка, а правда мне мать». Очень презабавный девиз. Как его забыть?.. То и дело вспоминал да ставил эпиграфом к иным публицистическим эссе, литературно-критическим сочинениям и театральным рецензиям, что доводилось читать.

— Ну будем спешить, Олег Павлович. Давайте лучше зададимся вопросом: а на какой почве зародился, произрос Балалайкин? И есть ли корень у него? Ведь фразерство и позерство не типично для русского характера...

— Вопрос сложный... Можно, наверное, так ответить: Балалайкин — это хоть и исключение из правила, но довольно яркое, характерное исключение. Вспомните-ка грибоевского Репетилова, реплику,

обращенную к нему: «Послушай! Ври, да знай же меру...» А тысячи курьеров Хлестакова — это что такое? Фантазмагория на русской почве. Ведь недаром знаток русской души Гоголь так чутко схватил эту жажду фантазмагории, эдакий феерический полет мыслей, свойственный и Чичикову, и Ноздреву, и Хлестакову.

И смешны и жалки эти люди как раз тем, что у них нет ничего за душой значительно, нет ничего своего. Именно — своего. Потому так и пыжятся, потому так стараются выдать себя за кого угодно — тут фантазия безгранична!

Если говорить откровенно, то в каждом из нас есть зачатки Балалайкина. Это — болезнь быть на потребу. Вспоминаю молодые годы, когда играл в «Современнике». Куда нас только не приглашали... На парадные приемы, в разные компании, в различные аудитории. И с первых слов собеседников, их реплик, их взглядов ты уже знаешь: кого тебя перед собой видеть, чего от тебя хотят. И ты уже автоматически подстраиваешься под эту потребу, изображая то думающего, мыслящего, углубленного в себя человека; то романтического мечтателя; то остролова (что ни фраза — афоризм). По молодости лет это даже приятно было, щекало самолюбие. А потом, с возрастом прошло, даже противно стало. Да эту детскую болезнь пережил, наверное, каждый человек. В каком молодом человеке не возникало желание блеснуть эрудицией, недавно выученной латинской пословицей, показать свою осведомленность, информированность, пересказать презабавный анекдотец. С годами, опытом мудрость это проходит.

По крайней мере у большинства людей. Потому что утвердиться в жизни, выказать себя, свою оригинальность, самобытность можно только трудом. Раз и навсегда избранным и ничем не заменимым делом. Такие люди есть и среди плотников, и среди пахарей, и среди медиков, и среди учителей, и среди людей искусства. Назову хотя бы полевода Мальцева, хирурга Илизарова, Шукшина. Таких много. На них держится земля. На них создается жизнь. Это личности. Работники. И у каждого есть глубокий, крепкий корень — их дело, убежденность, стойкость. Такие люди не хотят быть на потребу. Они хотят оставаться самими собой. И твердо стоят на избранной позиции. Ничем не собьешь.

А люди без корня, как перекати-поле, бездумно катятся по ветру. Куда ветер подует, туда и они. Чем сильнее ветер, тем больше скорость перекати-поля. А куда и за чем катятся, не знают, не ведают. Да и знать не хотят. Лишь бы всегда по ветру, всегда по конъюнктуре, всегда на потребу. Подписать акт на недостроенный дом — пожалуйста. Принять несбыточное, явное фанфарное обязательство — да ничего не стоит. Сочинить барабанный рапорт о «досрочном перевыполнении» — сколько угодно...

— Извините, перебыл вас. Незаметно мы перешли от нравственного лика к социальному лику Балалайкина. Готовясь к нашей беседе, раскрыл Справочный том к Полному собранию сочинений Владимира Ильича Ленина. В одном из указателей насчитал против фамилии Балалайкина десяти сносок, начиная с четвертого тома и кончая сорок шестым. Ленин многократно прибегал к этому бесподобному образу болтуна и лжеца. Разоблачал ли балалайкинских буржуазного либерализма, высмеивал ли напыщенную декламацию кадетских и думских вождей, критиковал ли Троцкого за словоблудие, демагогию, фарисейство. Кстати, последнего Ленин называл и посильней — Иудушкой Головлевым. Одно из ленинских работ так и называется «О краске стыда у

Иудушки Троцкого». И это, наверное, не случайно, а закономерно. Ведь от Балалайкина до Иудушки не так далеко...

— В том-то и дело. От фразерства, от позы себьялюбца, от непомерного притязания на лидерство до влиятельного и жутко пахнущего политиканства — один шаг. История в полной мере подтвердила эту ленинскую оценку. История ярко высветила подобного рода «менял во храме».

— Вернемся к телеспектаклю. Внимательно следил за мимикой Балалайкина в вашем исполнении. Мне показалось, что порой его оторопь берет: несуеть чужь несусветную, а меня слушают, что за чертовщина? — так и читалось на плутоватом лице. Так вот, почему же слушают Балалайкина?

— Почему слушают? Во-первых, действует чисто внешний эффект. Красивый, версифицированный дурман. А он своим хмельком в голову ударяет. Во-вторых, когда возникает Баладайкин? В тумане, в неясную погоду. Когда люди еще не разобрались толком что к чему. Но очень хотят разбраться.

Вот возьмем такой наглядный пример. Сейчас все мы внимательно вглядываемся в нашу непростую историю. Интерес вполне закономерный, объяснимый. Время требует глубокого познания и освоения уроков былого. Ради дня сегодняшнего и завтрашнего. Не все еще ясно, не во всем еще как следует разобрались. Ведь здесь требуется очень вдумчивый, очень осторожный, очень щепетильный анализ. Да это и понятно. За каждым отрезком истории — судьбы тысяч людей. Судьбы и героические, и трагические. К тому же истории наши без особого желания отвечают на многие неясные вопросы. Вот здесь и появляется Балалайкин, так сказать, заполняет образовавшийся вакуум. Появляется со всеми своими аксессуарами: суесловной душещипательной сенсацией, фантазмагорическим полетом, не меру бьющим фонтаном эмоций. Ему нет дела до судеб людей, их жизни, их труда, их бесспорных достижений, их приметных бед, их трагедий. У него одна забота было бы горячо, а за вкус не ругаемся. И эти пирожки с подозрительной начинкой находят спрос. А Балалайкин на этом спросе делает себе имя. Как, заметим кстати, дела, имя, карьера, премии, диссертации и дотации во времена культа личности.

Балалайкины очень легко трансформируются, переодеваются, меняют маски, поворачиваются на сто восемьдесят градусов. На нашей памяти Балалайкины высмеивал мушкетерозофила, а заодно и генетиков. Потом он с важным видом знатока стал рассуждать о пользе генетики, хотя в ней — ни ухом, ни рылом. Когда на берегу Байкала ставили заводы, Балалайкины восхваляли очаги индустрии, когда же общественность стала сильнее и активней отбиваться от натиска технократов, Балалайкины стали кричать надрывные всех о защите легендарного чудо-озера. В свое время он восхвалял проект поворота северных рек как проект века, а сейчас хихикает и над поворотом и над отворотом. Ему лишь бы похихикать, лишь бы потереть потные ручки. Вспомним в этой же связи имена Анны Ахматовой, Валентина Овечкина, Владимира Тендрякова, Василия Шукшина, Александра Вампилова. Вокруг них тоже и так и эдак кувыркались эквилибристы-балалайкины. Да и продолжат кувыркаться. А сколько «закадычных друзей» (в кавычках, конечно) появилось вдруг у Высоцкого. И среди них те, кто еще вчера, на нашей свежей памяти, поносили мужественного певца.

Балалайкин очень чуток к барометру общественного мнения. В этом ему не откажешь. Но он начисто лишен гражданской позиции, убежденно-

сти, стойкости, не говоря уж о принципиальности. Ему все равно: кого хвалить, кого ругать и за что хулить, за что хвалить. Лишь бы по моде, лишь бы попасть в конъюнктуру, лишь бы «в масть». Он — перевертыш. Его кульбитам и салто могут позавидовать циркачи. Найдя читателя, слушателя, зрителя, эти словоблудные кульбиты и салто воспитывают нигилизм, двойную, а то и тройную мораль, цинизм, сенсационное потребительство не только на модные тряпки, но и на духовные поделки. Особенно у молодежи. Вот в чем беда. Большая беда.

— А что, на ваш взгляд, надо делать, чтобы оттеснить Балалайкина подальше от тех больших и серьезных перемен в экономике, в общественной и духовной жизни, которые мы зовем перестройкой?

— Кратко можно ответить так: побольше искренности, открытости, правдивости. Следующая урокам правды XXVII съезда партии, мы просто обязаны обо всем говорить открыто и вести дело на высшем пределе искренности. На высшем пределе. Тогда не будет тумана. Тогда не возникнет Бала-лайкина. Тогда нет нужды его слушать.

Этой искренностью и правдивостью наполнены все крупные акции по перестройке после апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС. Искренность и правдивость пронизывают весь доклад Михаила Сергеевича Горбачева на торжественном заседании, посвященном юбилею Октября.

Искренность и правдивость дают полную и объективную информацию массам, повышают культуру демократии, развивают гражданственность и социальную ответственность в каждом труженике. Именно труженику — мастеру дела, а не фразы — надо дать простор для творческого поиска, для широкого обмена мнениями, для конструктивных свободных дискуссий и споров. Но, повторяю, вести эти дискуссии должен не фразер, а человек, болеющий за свое, кровное дело, человек ищущий, человек-гражданин.

Вот этой культуры гласности, культуры дискуссий нам зачастую и не хватает. Иные воспринимают гласность, открытость как удобный повод для выяснения личных отношений, сведения счетов, для выражения групповых, кастовых, ведомственных точек зрения. Вот здесь Балабайкин — как рыба в воде. А ведь настоящая демократия строится на глубоком чувстве ответственности и доброжелательности. Последней, на мой взгляд, особенно не хватает.

— И еще вопрос, Олег Павлович. Кого бы вы противопоставили Балалайкину? У вас так много любимых героев..

— Теркина. Да, бойца Василия Теркина. Вот он-то никогда не болтал на обочине. А всегда месил дорогу. И первым подставлял плечо под застрявшую полторку. Он Работник — с большой буквы. И на войне, и в мирной жизни. Он и плотник, и печник, и часовых дел мастер. Он «от скуки на все руки». «Битый, третий, жженный, раной меченый двойной», в сорок первом окруженный», но он великий шутник, балагур, весельчак. Без шуток ему и минуты не прожить.

Ну а дальше прочитаю вам
на память:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка—
Без чего? Без правды
 сущей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька...

К чему клоню? К тому, чтобы у нас везде — на заводах и в лабораториях, на фермах и в вузах, в издательствах и театрах — везде было бы побольше Теркинских. Им, как говорится, и карты в руки. Они этой правдой сущей живут, выпрут балалайкинских. Они сами скажут: «Прощай Балалайкин».

Беседу вел
Л. КУРИН.